

Мусяноко:дзи Санэацу. Портрет глазами современников

О. А. Забережная

Аннотация. Личность Мусяноко:дзи Санэацу (1885–1976), писателя, мыслителя, поэта, драматурга и художника, идейного вдохновителя течения неогуманизма в Японии начала XX в., невозможно обойти стороной, изучая историю японской литературы и культуры в целом. Чтобы объяснить феномен сильнейшего влияния Мусяноко:дзи как деятеля культуры и как личности на культуру Японии, мы в данной работе составили его характеристику, опираясь на воспоминания лично знакомых с ним литераторов, художников, родственников.

Рассмотрев детство и юность Мусяноко:дзи как период формирования его характера и идейных предпочтений, начала его творческого пути, мы обратились к характеристикам, данным современниками Мусяноко:дзи его соратниками по объединению «Сиракаба» («Белая береза»), участниками проекта «Атарасики мура» («Новая деревня») и литературными критиками. Мы выяснили, что Мусяноко:дзи не считал примером для подражания ни одного из членов своей семьи, предпочитая следовать за далекими идеалами Л. Н. Толстого, Родена, Сезанна и др. С юных лет Мусяноко:дзи, осознавая свою внешнюю непривлекательность и сталкиваясь с различными трудностями в своих проектах, черпал силы из присущих ему наивного оптимизма, твердой веры в свою счастливую звезду и искреннего чувства юмора. Однако в наибольшей степени популярность Мусяноко:дзи объясняется его природным магнетизмом.

Как следует из множества свидетельств, Мусяноко:дзи обладал способностью привлекать людей при первой встрече, в течение разговора или публичного выступления. Положительная энергетика, заражавшая и вдохновлявшая окружающих, позволили некоторым даже видеть в его фигуре религиозного лидера, способного направлять ищущих на верный творческий путь или вести за собой. Поэтому можно заключить, что гений Мусяноко:дзи заключался не в способности к художественному творчеству,

а в первую очередь в том, что он оказался знаковой фигурой в среде литераторов первой половины XX в.

Ключевые слова: Мусяноко:дзи Санэацу, Сига Наоя, творческая элита Японии, эпоха Тайсё:, объединение «Сиракаба».

Автор: *Забережная Ольга Алексеевна*, кандидат культурологии, старший преподаватель Института классического Востока и античности Высшей школы экономики, 105066, Москва, ул. Старая Басманная д. 21/4, стр. 3.

ORCID: 0000-0002-5182-5390.

E-mail: kluginda@gmail.com

Mushanokōji Saneatsu in the Eyes of Contemporaries

O. A. Zaberezhnaya

Abstract. The personality of Mushanokōji Saneatsu (1885–1976), a writer, thinker, poet, playwright, and artist, the ideological inspirer of neo-humanism in Japan in the early 20th century, cannot be ignored in the history of Japanese literature and culture as a whole. In this paper, we aim to explain the fact of such a wide popularity of Mushanokōji and such a strong influence of his personality on his contemporaries. To answer this question, we compiled a description of Mushanokōji, based on the memories of people personally acquainted with him.

Having examined the childhood and youth of Mushanokōji as a period of the formation of his character and ideological preferences, the beginning of his career, we turned to the characteristics given by Mushanokōji's contemporaries: his associates in the Shirakaba group, participants of the New Village project, and literary critics. We found that Mushanokōji did not consider any family member of his to be a role model, preferring to follow the distant ideals of Tolstoy, Rodin, Cezanne, and others. From a young age, Mushanokōji, realizing his unattractiveness and encountering various difficulties in his projects, drew strength from his inherent naive optimism, firm faith in his lucky star, and his uniqueness and sincere sense of humor. These qualities were celebrated by his acquaintances throughout his life.

However, Mushanokōji's popularity is most due to his natural magnetism. As follows from a lot of evidence, Mushanokōji had the ability to attract people in a first meeting, during a conversation or a public speech. His positive energy, which

infected and inspired others, allowed some to even see in his figure a religious leader who could direct seekers on the right creative path. Therefore, we can conclude that the genius of Mushanokōji was not only in his literary ability, but primarily in his becoming an iconic figure of his epoch.

Keywords: Mushanokōji Saneatsu, Shiga Naoya, Japanese literary circles, the Shirakaba school, portrait, Taishō period.

Author: *Zaberezhnaya Olga A.*, senior lecturer PhD (Literature) Institute of Classic East and Antiquity of Higher School of Economics. 105066, Moscow, 21/4 Staraya Basmannaya street, building 3.

ORCID: 0000-0002-5182-5390.

E-mail: kluginda@gmail.com

Культурное наследие Мусянокодзи

Личность Мусянокодзи Санэацу (1885–1976), основателя влиятельного журнала эпохи Тайсё: (1912–1926) «Сиракаба» («Белая береза») и коммуны «Атарасики мура» («Новая деревня»), устроенной в соответствии с идеями Л. Н. Толстого; идейного вдохновителя течения неогуманизма в Японии начала XX в., невозможно обойти стороной, изучая историю японской литературы и культуры. В доме Мусянокодзи в Тё:фу создан его музей, ему посвящена одна из книг серии «Альбомы японской литературы», где его имя стоит в одном ряду с Нацумэ Сосэки и Акутагава Рюноске и другими крупными писателями, признанными классиками японской литературы. Однако классиком литературы Мусянокодзи никто не называет. Более того, при знакомстве с жизнью и творчеством Мусянокодзи возникает вопрос, в чем же именно его главное достижение в искусстве.

При том что перу Мусянокодзи принадлежит огромное количество произведений всех возможных жанров, критических очерков, идеологических трактатов и т. д., художественная ценность его произведений вызывает вопросы у многих исследователей. Так, никто из них не поставит Мусянокодзи-писателя на один пьедестал с «божеством романа», его соратником по объединению «Сиракаба» и другом Сига Наоя. Язык его произведений предельно прост и художественно не богат, идейно содержание наивно, манера изложения прямолинейна. Поэтому японские критики (Хонда Сюго:, Одзуяма Кунио, Камэи Кацуитиро:, Такита Хироси и др.) избегают изучать проблемы поэтики его творчества (тогда как о стиле и языке Сига Наоя написано огром-

ное количество работ) и предпочитают сосредоточиться на идейном содержании его сочинений, их связи с социальными проектами или же полемике Мусяноко:дзи с другими писателями. Произведения, которые считаются наиболее репрезентативными для Мусяноко:дзи («Дружба», «Любовь и смерть», «Учитель истины» и др.), были популярны главным образом среди молодых людей. Однако ни одно из них не считается литературным шедевром, и их популярность имела временный характер [Keene 1998 p. 454].

Был ли Мусяноко:дзи крупным мыслителем? Идеи гуманизма, индивидуализма, персонализма благодаря их свежему звучанию и оптимизму имели огромное влияние на литературные круги эпохи Тайсё:. Мусяноко:дзи разработал теорию «воли природы» и взаимодействия с ней творческой личности, провозгласил свободу индивидуалистического начала в искусстве [Забережная 2015, с. 36],

Однако эти теории не внесли ничего принципиально нового в историю мысли Японии и представляли собой переложения идей Толстого, Метерлинка и других писателей — кумиров Мусяноко:дзи, довольно поверхностно интерпретированные в духе его идеалистического мировосприятия, а также выводы, навеянные знакомством с судьбами художников-импрессионистов.

Его жизнь и творчество принято делить на периоды, относящиеся к различным идеологиям. До ухода из Токийского университета — толстовство, после — гуманизм, пацифизм, идеализм, связанный с деятельностью «Сиракаба» и утопизм «Новой деревни». Путешествие по Европе 1936 г. привело писателя к увлечению национализмом и милитаризмом, а после войны, во время мирной жизни в Тё:фу, Мусяноко:дзи вновь вернулся к остраненному от общественных проблем идеализму. Тот факт, что писатель радикально поменял свои пацифистские взгляды на агрессивный национализм, говорит о том, что его идеи могли легко меняться в зависимости от требований эпохи, а следовательно, не имели глубокого внутреннего обоснования, не были результатом переосмысления ценностей, а спонтанно формировались под влиянием внешних стимулов.

Исследователь и критик Хонда Сю:го, наиболее подробно изучивший литературное наследие объединения «Сиракаба», жизненный путь и идеи ее участников, отмечал, что Мусяноко:дзи относится к тем мыслителям, которых нельзя в строгом смысле считать философами. Он приходит к выводу, что Мусяноко:дзи скорее «учитель

жизни) (*дзинсэй-но кё:си*), разъясняющий в доступной форме сложные идеи или помогающий найти свое творческое предназначение [Хонда 1968, с. 7].

Поэзия Мусянокодзи также не получила широкого признания и не включалась в сборники поэзии XX в. — вероятно, потому, что она лишена лаконичности и точности эмоции, требуемой в том числе от *синтайси*¹ Язык его стихотворений, считают некоторые литературные критики, настолько «безыскусный и простой (яп. 天衣無縫, *тэнъи мухо:*), как будто у автора не было намерения писать стихотворение» [Тайсё: бунгакуси 1965, с. 212], к тому же его стихи чрезмерно прямолинейны и зачастую «выглядят как лозунги». [Мацуо 1989, с. 9].

Живописью Мусянокодзи начал заниматься, когда ему было уже больше сорока лет, и картинам он посвящал много сил и времени, однако живопись осталась для него хобби. И сейчас известны его многочисленные изображения овощей (тыкв, баклажанов и т. д.) — излюбленная тема Мусянокодзи. В послевоенные годы эти изображения стали популярны и «печатались на различных сувенирах и канцелярских товарах» [Мацуо 1989, с. 7].

Таким образом, невозможно с уверенностью сказать, кем его следует считать в первую очередь — мыслителем, писателем-романистом, драматургом, поэтом или художником. Мусянокодзи, следуя своему главному кредо — «реализации себя» (*дзико-о икасу*), пробовал себя во всех этих областях, но ни на одном поприще не достиг истинного признания.

Его главный и по-настоящему успешный проект — издание журнала «Сиракаба» (1910–1923), объединившего множество начинающих писателей, в будущем — крупных фигур в истории японской литературы. Проект «Новая деревня» (1918–1939), организованный на острове Кюсю, заставил много говорить о себе, но закончился неудачей, поскольку оказался утопией с экономической точки зрения².

¹ *Синтайси* («стихи нового стиля») — поэзия, появившаяся в Японии в конце XIX в. и ознаменовавшая собой переход от классического стиха *вака* к поиску новых форм.

² Проект стал практической реализацией утопических идей Мусянокодзи: — всеобщего равенства, взаимопомощи и развития индивидуальности. Участники «Новой деревни» должны были работать в поле, а в свободное время заниматься творчеством. Когда население превысило 100 человек, они уже не могли прокормиться за счет натурального хозяйства, многие выходили из состава общины. После 1939 г. из-за строительства плотины деревня была перенесена на остров Хонсю, в соседнюю с Токио префектуру Сайтама (деревня Кэрояма), где несколько пожилых членов коммуны проживают до сих пор, скорее

Феномен популярности Мусяноко:дзи

В данной работе мы не касаемся идейного содержания произведений Мусяноко:дзи или проблемы его литературного стиля, мы попытаемся на основании ряда характеристик и оценок Мусяноко:дзи, данных современниками, объяснить феномен его популярности и влияния, оценить его роль в жизни японской интеллигенции. В первую очередь мы рассматривали мнение людей, лично знакомых с Мусяноко:дзи, то есть тех, для кого он был свидетелем и участником актуальных для них событий литературной жизни. Помимо его ближайшего окружения, друзей, соратников по литературным объединениям, учеников в число таких людей также вошли литературные критики, которые благодаря долгой жизни Мусяноко:дзи имели возможность общаться с ним и оценивать не только литературное наследие писателя, но и свое непосредственное с ним взаимодействие.

Мусяноко:дзи родился в Токио, в районе Кодзимати, в 1885 г. в семье виконта Мусяноко:дзи Санэё (1851–1887). Ему на всю жизнь запомнились слова отца, который сказал: «Если этому ребенку дать правильное образование, он станет единственным в мире...» [Мусяноко:дзи 1984, с. 12]. Эта фраза, которую Мусяноко:дзи услышал в подростковом возрасте, несомненно, имела для него важное значение, придавала уверенности в его проектах и убеждала в том, что он должен сделать что-то новое, пойти по своему, отличному от других пути, заставляла верить в свою счастливую звезду. Однако Мусяноко:дзи Санэё, считавшийся одним из наиболее ярких из подающих надежды представителей новой элиты Мэйдзи³, умер от туберкулеза, когда Санэацу было всего два года, поэтому он не мог ни воспитать сына, ни подать ему пример для подражания, и Мусяноко:дзи отмечает только, что от отца он унаследовал придиричивость и капризный характер [Мусяноко:дзи 1984, с. 7].

Если рассмотреть то, как рос и воспитывался Мусяноко:дзи, то оказывается, что в отличие от других участников «Сиракаба» — Сига Наоя или Арисима Такэо — его семья ничего ему не навязывала,

из ностальгических соображений, выращивая рис, овощи и устраивая культурные мероприятия.

³ Мусяноко:дзи Санэё был отправлен на стажировку в Германию, где изучал право, после чего участвовал в строительстве Японской железной дороги, переводил юридические документы о европейской парламентской системе правления и т. д.

предоставляя свободу действий. Кроме того, в семье Мусянокодзи, по всей видимости, не было человека, которым он восхищался и считал настоящим примером для подражания, который мог бы повлиять на формирование его ценностных ориентиров⁴.

Старший брат Кинтомо, унаследовавший титул виконта и сделавший блестящую дипломатическую карьеру, был рассудительным, последовательным человеком и обладал покладистым, спокойным характером. Санэцу сохранял с ним теплые отношения на протяжении всей жизни, однако брат никогда не был для него эталоном: Санэцу учился в школе весьма посредственно, не закончил Токийский университет, приняв необычное решение стать писателем. Кинтомо относился к Санэцу с пониманием и не препятствовал его жизненным планам, хотя они шли вразрез с его представлениями о подходящем занятии для Санэцу: он прочил брату политическую карьеру. К литературной деятельности брата Кинтомо относился снисходительно, однако считал, что Мусянокодзи недостает рассудительности, последовательности в изложении мыслей [Нисигаки 1990, с. 136]. Помимо брата Кинтомо у Мусянокодзи была старшая сестра Икако, с которой он также был близок; сестра поддерживала его в моменты неудач. Однако Икако умерла, когда Мусянокодзи учился в пятом классе средней школы. Остальные дети, родившиеся в семье, умерли в младенчестве.

В доме с ними постоянно жили три пожилые женщины, которых Санэцу называл бабушками: неофициальная жена его деда (родная мать его отца Санэё), жена сводного брата Санэё и приживалка, которая не была родственницей. Кроме того, время от времени с ними жили и другие родственницы. Об этих бабушках и тетушках известно главным образом то, что они отличались сварливостью и доставляли много хлопот его матери, находившейся в положении невестки и обязанной им прислуживать. Что касается какого-либо влияния на Мусянокодзи, то вряд ли оно присутствовало.

Родственники, чье влияние Мусянокодзи признает сам, однако называет его «неосознанным» [Мусянокодзи 1984, с. 15], — это его мать Наруко (1853–1928) и ее младший брат Кадэнокодзи Сукэото. С матерью Мусянокодзи был близок на протяжении всей ее жизни,

⁴ На Сига оказал сильное влияние его дед, который воспитывал его, а также отец, с которым, напротив, у писателя был серьезный конфликт. Арисима воспитали отец и бабушка, оба были для него примером для подражания.

относился к ней с нежностью и заботой. Наруко происходила из потомственной аристократической семьи и была дочерью виконта Кадэнокодзи Сукэёри. Она прожила долгую жизнь, была «стойким, упорным, терпеливым» человеком, и эти качества Санэацу унаследовал от нее, по его собственному утверждению [Мусяноко:дзи 1984, с. 7]. Дядя Кадэнокодзи Сукэото, потерпев неудачу в бизнесе, покупал множество книг о христианстве и познакомил юного Мусяноко:дзи с христианской литературой и произведениями Л. Н. Толстого, которые после Русско-японской войны (1904–1905) были очень популярны в Японии. Мусяноко:дзи фанатически увлекся Толстым, его идеями помощи другому, пацифизмом; кроме того, на него явно произвели впечатление попытки дяди подражать Толстому и работать в поле, зарабатывая на хлеб.

Решения, принимаемые Мусяноко:дзи, и его идеи за редким исключением не были подсказаны или навязаны авторитетным для него учителем — они были результатом внутреннего процесса осмысления разнообразных внешних влияний. Дядя познакомил его с христианством и Толстым, школьный товарищ Огимати Кинкадзу открыл для него мир изобразительного искусства [Мусяноко:дзи 1984, с. 13]. Те личности, которые оказывали влияние на само содержание идей Санэацу через свои произведения, находились далеко от него и были возведены на пьедестал со свойственной Мусяноко:дзи манерой идеализировать людей. Тем же, кто находился рядом, он не позволял оказывать на себя влияние (только «неосознанное») в силу своих ярко выраженных лидерских качеств. Его естественной потребностью было вести за собой коллектив, быть основателем, организатором, центральной фигурой, вдохновителем. Так, в биографии Мусяноко:дзи известен эпизод, когда он стоял, обратившись к морю, и кричал: «О волны, о море, посмотрите на мужчину, который стоит здесь, этот человек никому не принадлежит, запомните это» [Мусяноко:дзи 1984, с. 13].

Таким образом, если мы не находим в близком окружении людей, которые своей индивидуальностью оказали решающее влияние на Мусяноко:дзи, то сам он стал источником вдохновения и даже идеалом для многих своих знакомых. Рассмотрим на конкретных примерах, в чем выражалось это влияние.

Мусяноко:дзи стал популярной фигурой в подростковом возрасте, начиная со средних классов Школы пэров (Гакусю:ин). В шестом классе средней школы он удачно проявил себя в серьезном конфликте

с пятиклассником: его слова «очень точно попали в цель», и конфликт был полностью улажен [Мусяноко:дзи 1984, с. 11]. Так впервые проявляется ораторский талант Мусяноко:дзи. В Гакусю:ин он познакомился с будущими участниками «Сиракаба» (Сига Наоя, Огимацу Кинкадзу, Киносита Ригэн), там будущий писатель прославился как ярый почитатель Толстого, выступал со статьями в школьном журнале. В старших классах он посещает кружок родной речи, где много выступает. Уже в школе Санэацу начинает самоуверенно говорить о творческой реализации и о необходимости развивать себя.

Мусяноко:дзи отличала неукротимая, деятельная энергия, заражающая окружающих. Он испытывал постоянную потребность в работе, считал, что в каждом деле надо быть серьезным и прилежным, а жизнь не удовольствие «День без работы пуст <...>. Это настроение и души, и тела, и оно заставляет меня работать» [Мусяноко:дзи 1984, с. 5].

Эта энергия имела созидательный характер, вдохновляла и организовывала людей. Так, Сига Наоя отмечает, что без Мусяноко:дзи не было бы «Сиракаба» как движения (*ундо:*). «В журнале, конечно, мы все писали, но того, что называют движением, не состоялось бы» [Сига 1983 с. 145]. В движение «Сиракаба» входили очень разные по темпераменту, идейным соображениям и стилю авторы. Под «движением» Сига имеет в виду объединение этих авторов под общим лозунгом свободы, саморазвития, идеалистического пафоса. Без Мусяноко:дзи команда была бы лишена идейного подспорья, объединяющей силы. Хотя сама идеология была разработана далеко не идеально, личность объединителя была настолько сильна и притягательна, что собрала вместе самых разных авторов. Объединяющая сила Мусяноко:дзи заключается скорее в его личных лидерских качествах и харизме, нежели в силах его идей.

Неустанная жажда деятельности сочеталась в Мусяноко:дзи с нетерпеливостью, которая делала его сочинения раскрепощенными и наделяла их атмосферой свободы. Нацумэ Сосэки впервые познакомился с Мусяноко:дзи после того, как тот поместил в журнале критическую статью о романе Сосэки «Затем» (*Сорэкара*, 1909). Как рассказывает Мусяноко:дзи Кинтомо, он сопровождал младшего брата в дом к Сосэки. В беседе с именитым писателем Кинтомо выразил уважение к «глубокой учености» и логической выстроенности произведений Сосэки и попросил его наставить на верный путь младшего брата, который имеет привычку записывать разроз-

ненные мысли «прямо на месте» под влиянием внезапного порыва. На это Сосэки возразил: «Если бы я мог писать так, как Санэацу, какую бы свободу я обрел! Я так хочу иногда избавиться от своей манеры письма!» [Нисигаки 1990, с. 136]. Таким образом, и Нацумэ Сосэки, в то время преподаватель Токийского университета и учитель для Мусяноко:дзи, признает и даже завидует умению Санэацу свободно писать обо всем.

Тем не менее нетерпеливость отрицательно отражалась на художественных достоинствах произведений Мусяноко:дзи. Как отмечал Акутагава Рюноске, необходимо разделять Мусяноко:дзи-мыслителя и Мусяноко:дзи-писателя. Как у писателя у него было свойство «торопиться» (*сэйкю:на токоро*): «Он очень торопится завершить произведение, небрежно относится к тонким отношениям между содержанием и формой» [Аояги 1943, с. 73]. Иными словами, он бежал вперед, стремясь быстрее завершить работу, и не прослеживал глубоких взаимосвязей жизненных явлений, которые описывал и раскрытия которых ждал читатель. Это свойство не изменилось на протяжении всей жизни. Сига Наоя, говоря о картинах Мусяноко:дзи, отмечает, что в своих занятиях живописью он не делает набросков и эскизов, а «бежит до конца без репетиции», как и в любом своем начинании [Сига 1983, с. 149]. С Сига Наоя Мусяноко:дзи сохранял дружеские отношения и переписку с самого их знакомства в Школе пэров и до смерти Сига в 1972 г. По словам Сига, в наибольшей степени на него и его творчество повлияли три человека: христианский евангелист Утимура Кандзо: (1861–1930) как учитель, Мусяноко:дзи — как друг, и дед — как родственник [Сига 1983, с. 145].

Мусяноко:дзи в 1908 г. издал первый сборник рассказов «Дикое поле» (*Арано*), который, хотя вызвал шквал критики, тем не менее наглядно доказал его решимость стать писателем. Сига принял такое решение двумя годами ранее, но ничего не успел написать, поэтому Мусяноко:дзи в отношении писательской карьеры стал старшим товарищем для Сига, хотя был младше его на два года. «Я писал [свои рассказы], думая о том, что это прочтает Муся», — говорил Сига Наоя [Сига 1983, с. 145].

Таким образом, Мусяноко:дзи, будучи более решительным, первым начинал действовать на пути к своим целям и тем самым вел за собой Сига. Он предоставил ему возможность писать на страницах «Сиракаба» и стал для него путеводной звездой, хотя в образе мыш-

ления, характере и стиле произведений трудно найти более разных писателей.

По утверждению Сига, несмотря на свой образ жизни, он не стал писать произведений «увеселительных» благодаря тому, что его характер не позволял этого, а также благодаря дружбе с Мусянокодзи [Сига 1983, с. 146]. Сига пережил так называемый период «блужданий» (*хо:то:*), когда, оставив учебу и писательские занятия, он проводил время в увеселительных заведениях. О том, что он начал такую жизнь, Сига первым признался Мусянокодзи, желая разобраться с этой проблемой с «самого неприятного момента», но Мусянокодзи никак это не прокомментировал. Сига очень скоро прекратил «блуждания» и серьезно занялся писательской карьерой. Видимо, сам факт дружбы с Мусянокодзи, активно реализующим свою позицию, не только удерживал его от праздного и бездумного существования, но и направлял его литературную деятельность, основанную на стремлении к просвещению, искусству, на «поиск себя» и развитие, заставлял его изменить образ жизни. «Мы с Мусянокодзи разные, но вместе. У него есть удивительная способность вдохновлять, отодвигающая на второй план и идеи, и искусство», — рассказывал Сига [Сига 1983, с. 204].

Можно предположить, что Мусянокодзи имел некое энергетическое воздействие на людей, способность воодушевлять их своей речью или даже просто присутствием. Этому явлению есть множество подтверждений.

Так, участник «Новой деревни» Ясуи Томихико рассказывает, как записывал одну из лекций Мусянокодзи с диктофона в 1965 г.: «Слушая эту лекцию, я ощущал, что мои собственные стихотворения жалки, а в нем есть что-то великое, огромное, важное. Рассказ учителя, не то беседа, не то лекция, то продолжался, то затихал. Повтор следовал за повтором, создавая своеобразный ритм. Это были странные, необычные, вселяющие благоговение звуки. Это были выдающиеся беседы» [Ясуи 1989, с. 7].

Очевидно, что для участников «Новой деревни», особенно молодых, Мусянокодзи был окружен ореолом славы, он был уважаемым Учителем. Можно сказать, что в деревне был организовано нечто подобное культу Мусянокодзи, ее жители в своих воспоминаниях зачастую выказывают благоговейное уважение к нему. Поэтому многие такого рода высказывания не могут быть показательны

для объяснения влияния Мусяноко:дзи. Однако в данной цитате мы видим впечатление от самого звучания речи Мусяноко:дзи, от его манеры произносить слова, темпа речи, возможно, тембра голоса, и можно сделать вывод, что речь Мусяноко:дзи обладала притягательной силой. «Его слова, звучавшие со сцены, когда он весь как будто отдавался этому процессу, были для меня важнее, чем его произведения», — отмечает еще один житель «Новой деревни» [Асада 1989, с. 7].

Сига Наоя зачастую испытывал сложности с организацией рабочего процесса и иногда долгое время проводил в творческом молчании. Однако он отмечает, что оба раза, когда к нему приезжал Мусяноко:дзи и «мешал» заниматься, работа вдруг начинала спориться: так он значительно быстрее закончил свои центральные произведения «Путь во мраке» (*Анья ко:ро*, 1921–1937) и «Примирение» (*Вакай*, 1917) [Сига 1983, с. 147]. Возможно, на Сига подействовал пример Мусяноко:дзи, который каждое утро проводил за работой.

Известный портретист периода Тайсё: Кисида Рю:сэй (1891–1929) познакомился с Мусяноко:дзи в двадцать с небольшим лет и был поражен свободной, приветливой, изящной атмосферой, царящей в кругу «сиракабовцев». Прочитав колонку Мусяноко:дзи, он восхитился уверенностью тона автора, его верой в себя. Познакомившись с Мусяноко:дзи через их общего друга Янаги Мунёси (также Со:эцу, 1889–1961) Кисида сказал: «Вначале я просто приходил смотреть картины и таким образом смог получить ни с чем не сравнимое удовольствие говорить с ним. Для меня, у которого не было до этого возможности иметь таких друзей, это было как будто второе рождение» [Кисида 1989, с. 2].

Несомненно, деятельность Мусяноко:дзи по популяризации западной живописи, литературная дискуссия, дух свободы и самовыражения его группы оказывали значительное влияние и на творческих деятелей, не состоявших в группе «Сиракаба». Однако именно личная встреча и разговор с Мусяноко:дзи вдохновила Кисида, стала толчком для дальнейшего сближения художника с коллективом журнала «Сиракаба» и различных творческих проектов. Кисида до конца своей недолгой жизни поддерживает дружеские связи с «сиракабовцами», в первую очередь с Мусяноко:дзи, пишет его портрет.

Тот факт, что Сига Наоя и Кисида Рю:сэй, оба люди очень непростого характера, требовательные к окружению, темпераментные,

вспыльчивые, пронесли через всю жизнь дружеские отношения с Мусянокодзи Санэцу, показывает, что они видели в нем больше чем идейного вдохновителя (тем более что идеи Мусянокодзи очень скоро перестали вдохновлять Сига), а попали под влияние его личного обаяния, испытывали потребность в личном общении с ним, черпали из этого общения творческие силы.

Участник «Сиракаба» Нагаё Ёсиро: (1888–1961), также подтверждает сильное воздействие, которое Санэцу оказывал на окружающих. Об их первой встрече Нагаё рассказывал: «Я впервые поговорил с ним от всего сердца, и меня очень воодушевил этот разговор. Это человек, к которому я испытываю склонность» [Танака 1989, с. 2]. Более того, если Сига и Кисида испытывали влияние личности Мусянокодзи, но никак не его творчества, Нагаё, как принято считать, начинал с подражания литературным произведениям Мусянокодзи. Нагаё присоединился к объединению «Сиракаба» через год после его создания, в его первых произведениях также описывается несчастная любовь и попытки главного героя реализовать себя, а его повесть «Человек по имени учитель Такэдзава» (*Такэдзава сэнсэй то цу хито*, 1925) напоминает по своему пафосу произведение Мусянокодзи «Счастливым человеком» (*Ко:фуку моно*, 1919), где воспевается гармоничный, спокойный характер харизматичного Учителя, а способность обрести счастье считается главным достоинством человека.

Однако по своему характеру, поведению, мировосприятию Нагаё был дальше всего от Мусянокодзи из всех членов объединения, он был более обстоятельный и любое действие подкреплял теорией, в отличие от Мусянокодзи, который мог действовать интуитивно и спонтанно [Тайсё: бунгакуси 1965, с. 214]. Поэтому Нагаё относился к писателю Мусянокодзи с пиететом, а к Мусянокодзи как к товарищу — весьма противоречиво. Так, он очень мало написал о Мусянокодзи, в первую очередь потому, что не «мог отдалиться от него на достаточное расстояние, чтобы писать свободно» [Танака 1989, с. 2]. Постоянное присутствие сильной личности Мусянокодзи подавляло Нагаё и не позволяло абстрагироваться, сосредоточиться и объективно и хладнокровно оценить свои отношения к старшему товарищу. Отношения с Мусянокодзи не были гладкими, у них было несколько конфликтов: первый — из-за того, что Нагаё использовал его образ в качестве прототипа в своей пьесе, второй — из-за несогласия с идеями «Новой деревни», третий — из-за резкого неприя-

тия Нагаё милитаристского поворота в идеях Мусяноко:дзи. Таким образом, Нагаё, признавая сильное воздействие энергетики Санэацу, не мог принять отсутствия целостности, последовательности и противоречивости в его идеях,

Энергия Мусяноко:дзи имела положительный заряд, была направлена вовне и поддерживала окружающих. «Он как ствол дерева, в нем нет усталости [обычного человека], он всех нас поддерживает» [Уэда 1988, с. 5], — рассказывал один из участников «Новой деревни». Возможно, поэтому Акутагава Рюноскэ, который боготворил творчество Сига Наоя и критически относился к прозе Мусяноко:дзи, утверждал, что интереснее всего читать не художественные произведения Мусяноко:дзи, а его разрозненные заметки, впечатления (*дзаккан*), которые он размещал в отдельной колонке журнала «Сиракаба» и продолжал писать в течение всей жизни. Критик Хонда Сюго: отмечал то же самое и считал *дзаккан* наиболее интересным материалом для изучения, писал, что именно там наилучшим образом проявляется талант Мусяноко:дзи [Тайсё: бунгакуси 1965, с. 212]. Тогда как создать художественно целостное и убедительное произведение Мусяноко:дзи не всегда удавалось, в своих заметках он выступал не как писатель, а снова как вдохновитель, именно там он мог наилучшим образом проявить свободную манеру изложения, предстать харизматическим, проницательным лидером, заразить читателя своей деятельной энергией.

Помимо таланта вдохновлять и лидерских качеств Мусяноко:дзи обладал также проницательностью, которая позволяла ему открывать молодые таланты, а также понимать потребности людей своей эпохи. Эти особенности характера Мусяноко:дзи точно отметил писатель Арисима Такэо. Возможно, Арисима в большей степени, нежели остальные участники «Сиракаба», имел возможность смотреть на Мусяноко:дзи объективно, поскольку познакомился с ним позже, встречался с ним редко и вообще менее эмоционально относился к нему, чем Сига, Кисида, Нагаё и др. Арисима высказывал резкую критику в отношении «Новой деревни» и других идей Мусяноко:дзи, сам же был склонен к постоянному внутреннему напряжению, духовной и интеллектуальной собранности. Идейная противоречивость Мусяноко:дзи не могла импонировать Арисима, однако он не мог не заметить его положительных качеств. Арисима говорит о более близком знакомстве с Мусяноко:дзи, который приехал навестить его

во время учебы в Саппоро: «У него не такой характер, как я думал. Он — парниковое растение. Однако в нем есть редкий талант, сила, в которой сочетаются пронизательность, эмоция и рациональность» [Нисигаки 1981, с. 2]. Арисима был человеком интеллектуального, рационалистического типа, прошедший строгое, даже спартанское воспитание, крайне требовательный к себе и окружающим. Поэтому естественно, что Мусяноко:дзи оказался более мягким, капризным, менее собранным, чем Арисима мог ожидать. Тем не менее Арисима подчеркивает личное обаяние, умение видеть людей и открытость к эмоциональному познанию мира.

Пронизательность позволила Мусяноко:дзи стать для многих представителей литературных кругов человеком, который сыграл важную или даже решающую роль в их творческом становлении, открыл новый путь, направил на верную дорогу. Так, Ватанабэ Кэндзиро:, оказавшемуся в «Новой деревне» в возрасте 19 лет, он подарил гончарную печь, после чего тот стал известным мастером гончарного дела [Ватанабэ 1989, с. 8].

Идеи, предложенные Мусяноко:дзи, несмотря на их простоту и наивность, оказались нужными людям не только молодым. Камэи Кацуитиро: отмечает, что, разочаровавшись в пролетарской литературе и находясь в поисках новых идей, он нашел в произведениях Мусяноко:дзи «возрождение, отсутствие любой дискриминации⁵, пустоту, безграничность» [Тайсё: бунгакуси 1965, с. 210]. Хонда Сю:го признавался, что начал читать произведения Мусяноко:дзи только после войны, но именно тогда он нашел в идее «реализации себя» подспорье, таким образом, в сорокалетнем возрасте его «научил жизни» двадцатилетний Мусяноко:дзи [Тайсё: бунгакуси 1965, с. 212].

Более того, высказывания о «втором рождении» (Кисида Рю:эй) или указании верного пути могут произвести впечатление, что Мусяноко:дзи — некий пророк, спускающийся свыше и передающий своему окружению тайное откровение. Акутагава Рюноскэ говорил, что Мусяноко:дзи раздувал «горевший в нас огонь идеализма как огромный ветер и придавал нам силы. Он, как Христос в Эммаусе, явился нам» [Аояги 1943, с. 73]. Таким образом, Акутагава, несмотря на невысокое мнение о литературном творчестве Мусяноко:дзи, срав-

⁵ Имеется в виду открытость по отношению к любому читателю, вера в свободу творческого выбора.

нивает его с мессией, с религиозным лидером, то есть подчеркивает, что Мусяноко:дзи относился к разряду людей, которым не нужно убеждать других силой аргументов, он убедителен по неким иррациональным причинам. Санэацу, кстати, интересовался судьбой религиозных лидеров, внимательно изучал личность Будды Шакьямуни и Иисуса Христа и сам отмечал в себе эти качества, утверждая, что у него «талант религиозного лидера» [Мусяноко:дзи 1973, с. 81].

Кем же в реальности был Мусяноко:дзи?

Окруженный уважением и даже поклонением, Мусяноко:дзи, однако, не производил впечатления зазнавшегося человека. Он не был чутким или отзывчивым, кроме того, тем, кто судил о нем только по письменным текстам, он мог казаться эгоистом [Тайсё: бунгакуси 1965, с. 212]. «На бумаге у него мания величия, а в жизни он очень добрый, не гордится, не командует, не кричит на служанок и других людей, он очень терпелив. У него крепкие нервы», — рассказывал о Мусяноко:дзи его ученик Канэко Ё:бун [Мусяноко:дзи 1973, с. 79].

Мусяноко:дзи был погружен в себя, однако много раз терпел неудачи и ему приходилось бороться с критикой своих начинаний, поэтому вряд ли можно предполагать, что он чрезмерно гордился собой. Кроме того, некоторое чувство неуверенности с самого детства он должен был испытывать в связи со своей внешней непривлекательностью. На его лице с рождения было множество пятен, которые превратились в родинки, вдобавок все лицо было усыпано веснушками. Мать даже предупреждала его брата и сестру, чтобы они при Санэацу не касались темы его лица, а сам Мусяноко:дзи отмечал, что из-за некрасивости лица в средней школе его не замечали популярные ребята, поэтому он мог посвятить время чтению книг [Мусяноко:дзи 1984, с. 11].

В школьные годы Мусяноко:дзи чувствовал себя крайне неуверенно не только из-за внешности, он также был физически слаб и не мог постоять за себя, получал плохие оценки. С течением времени он не стал красивее или сильнее, однако, обретя уважение окружающих и семейное счастье во втором браке, очевидно, стал относиться к своей внешности спокойно и с юмором. Так, он рассказывает о своей первой встрече с Кисида Рю:сэй: «Мне сразу понравился Кисида. У него было такое же лицо, как на автопортретах. То есть не самое приятное на вид лицо. Это у нас общее» [Кисида 1989, с. 2]. Сын Кисида Рю:сэй

Цуруноскэ утверждает, что он много раз перечитывал это высказывание и никак не мог понять, как «дядя Мусяноко:дзи», который так не любит проигрывать, вдруг откровенно заявляет, что их с Кисида объединяет «некрасивое лицо» [Кисида 1989, с. 2].

Однако, по многим свидетельствам современников, Мусяноко:дзи действительно умел смеяться над собой, и его своеобразный юмор, несомненно, привлекал к нему людей, помогал ему «вставать, как неваляшке» [Одзуяма 1989, с. 609] в сложные периоды жизни, оправляться от неудач, таких как несчастная первая любовь или неудача с «Новой деревней». В одной из комических пьес *кё:гэн* о «Новой деревне» Мусяноко:дзи изображает сам себя, неоднократно называя себя «лысым», «мечтателем», «сумасшедшим». Хироцу Кадзуо отмечает, что юмор Мусяноко:дзи настоящий, искренний, добрый, что он завидует Мусяноко:дзи, который может создавать настоящий комический эффект, а не «жалкое чувство веселости, когда хочется отвернуться» [Одзуяма 1989, с. 610].

Образ непривлекательного внешне, но харизматичного лидера воплотился также в главном герое его произведения «Учитель истины». Небольшого роста, физический слабый *Синри сэнсэй* внушал странное ощущение духовной силы» [Мусяноко:дзи 1952, с. 7].

Таким образом, в характере Мусяноко:дзи сочетались простота, детская наивность и способность к глубокому суждению и проницательности. Его называли «простофилей» (по одноименному произведению «Простофиля» (*Омэдэтаки хито*, 1911), наивным идеалистом. С юных лет Мусяноко:дзи, осознавая свою внешнюю непривлекательность и сталкиваясь с различными трудностями, черпал силы из присущего ему наивного оптимизма, твердой веры в свою счастливую звезду. Однако в наибольшей степени популярность Мусяноко:дзи объясняется его природным магнетизмом, позволяющим некоторым даже видеть в его фигуре религиозного лидера, способного направлять ищущих на верный творческий путь или вести за собой. Поэтому можно сделать вывод, что гений Мусяноко:дзи заключался не в способности к художественному творчеству, а в том, что он сумел стать знаковой фигурой для интеллигенции своего поколения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Аояги 1943 — Аояги Ютака. Сиракаба-ха бунгаку рон [Литература писателей Сиракаба]. *Тайсе: бунгаку сакка-рон. Киндай нихон бунгаку кэнкю*: [Писатели Тайсё: — исследования современной японской литературы] / под ред. Сато: Харуо и Уно Ко:дзи. Токио: Сё:гакукан, 1943. С. 63–105.

Асада 1989 — Асада Мицуаки. Ко:ун [Везение]. *Мусяноко:дзи Санэацу дзэнсю: гэнпо: (10)* [Приложение к 10 тому полного собрания сочинений Мусяноко:дзи Санэацу]. Токио: Сёгакукан, 1989. С. 7–8.

Ватанабэ 1989 — Ватанабэ Кэндзиро:. Мусяноко:дзи сэнсэй-то тайдзан-кама [Учитель Мусяноко:дзи и гончарное искусство Тайдзан]. *Мусяноко:дзи Санэацу дзэнсю: гэнпо: (13)* [Приложение к 13 тому полного собрания сочинений Мусяноко:дзи Санэацу]. Токио: Сёгакукан, 1989. С. 7–8.

Забережная 2015 — Забережная О. А. Индивидуалистическая мысль литературного объединения «Сиракаба-ха»: Мусяноко:дзи Санэацу и Арисима Такэо. *Вестник Бурятского государственного университета. БГУ*. 2015. № 6. С. 135–140.

Кисида 1989 — Кисида Цуруноскэ. Рю:сэй-то Мусяноко:дзи-но дзэй [Знакомство Рю:сэй и Мусяноко:дзи]. *Мусяноко:дзи Санэацу дзэнсю: гэнпо: (12)* [Приложение к 12 тому полного собрания сочинений Мусяноко:дзи Санэацу]. Токио: Сёгакукан, 1989. С. 1–4.

Мацуо 1989 — Мацуо Масамицу. Баннэн-но сэнсэй-то си-но кото [Учитель в поздние годы и о поэзии]. *Мусяноко:дзи Санэацу дзэнсю: гэнпо: (11)* [Приложение к 11 тому полного собрания сочинений Мусяноко:дзи Санэацу]. Токио: Сёгакукан, 1989. С. 6–8.

Мусяноко:дзи 1952 — Мусяноко:дзи Санэацу. *Синри сэнсэй* [Учитель истины]. Токио: Синтё: бунко, 1952.

Мусяноко:дзи 1973 — Мусяноко:дзи Санэацу. Дзико но тамэ оёби соно та ницуйтэ [О жизни для своего эго и о прочем]. *Сёки сиракаба-ха бунгаку сю*: [Ранние произведения писателей «Сиракаба»]. *Полное собрание литературы Мэйдзи*. Т. 76. Токио: Тикума сёбо:, 1973.

Мусяноко:дзи 1984 — Мусяноко:дзи Санэацу. *Нихон бунгаку арубаму (10)* [Мусяноко:дзи Санэацу. Альбом японской литературы, № 10]. / под ред. Имаи Нобуо. Токио: Синтё:ся, 1984.

Мусяноко:дзи 1989 — Мусяноко:дзи Санэацу. *Мусяноко:дзи Санэацу дзэнсю*: [Полное собрание Мусяноко:дзи Санэацу]. В 18 тт. Т. 15. Токио: Сёгакукан, 1989.

Нисигаки 1981 — Нисигаки Цутому. *Сиракаба-ха сакка рон* [Писатели «Сиракаба»]. Токио: Ю:сэйдо:, 1981.

Нисигаки 1990 — Нисигаки Цутому. *Сосэки-то Сиракаба-ха* [Нацумэ Сосэки и группа «Сиракаба»]. Токио: Ю:сэйдо:, 1990.

Одзюяма 1989 — Одзюяма Кунио. Кайсэцу [Комментарий]. *Мусяноко:дзи Санэацу дзэнсю*: [Полное собрание сочинений]. В 18 т. Т. 14. Токио: Сё:гакукан, 1989. С. 608–620.

Сига 1983 — Сига Наоя. *Сига Наоя дзэнсю*: [Полное собрание Сига Наоя]. В 15 тт. Т. 7. Токио: Иванами сётэн, 1983.

Тайсё: бунгакуси 1965 — *Тайсё: бунгакуси (дзаданкай)* [История литературы эпохи Тайсё (литературные встречи)] / под ред. Янагида Идзуми, Кацумото Сэйитиро:, Ино Кэндзи. Токио: Иванами сётэн, 1965.

Танака 1989 — Танака Эйити. Нагаё Ёсиро: ни окэру Мусяноко:дзи Санэацу-но ими [Значение Мусяноко:дзи Санэацу в творчестве Нагаё Ёсиро:]. *Мусяноко:дзи Санэацу дзэнсю: гэнпо: (10)* [Приложение к 10 тому полного собрания сочинений Мусяноко:дзи Санэацу]. Токио: Сё:гакукан, 1989. С. 1–5.

Уэда 1988 — Уэда Кэйноскэ. Хю:га-но мура-но омоидэ [Воспоминания о деревне в Хю:га]. *Мусяноко:дзи Санэацу дзэнсю: гэнпо: (4)* [Приложение к 4 тому полного собрания сочинений Мусяноко:дзи Санэацу]. Токио: Сё:гакукан, 1988. С. 5–8.

Хонда 1968 — Хонда Сю:го. *Сиракаба-ха но сакка то сакухин* [Авторы и произведения «Сиракаба»]. Токио: Мирайся, 1968.

Ясуи 1989 — Ясуи Томихико. *Васурэрэрэннай котоба* [Незабываемые слова] *Мусяноко:дзи Санэацу дзэнсю: гэнпо: (12)* [Приложение к 12 тому полного собрания сочинений Мусяноко:дзи Санэацу]. Токио: Сё:гакукан, 1989. С. 6–8.

Keene 1998 — Keene Donald. *Dawn to the West: Japanese Literature in the Modern Era*. New York: Columbia University Press, 1998.

REFERENCES

Aoyagi, Y. (1943). Shirakaba-ha Bungakuron [Literature of the Shirakaba School Writers]. In Satō, H. & Uno, K. (Eds), *Tayshō bungaku sakka ron. Kindai nihon bungaku kenkyū* [The Writers of Taishō, Studies of Japanese Literature] (pp. 63–105). Shōgakukan. (In Japanese).

Asada, M. (1989). Kōun [Luck]. *MS Zenshū Geppō (10)* [Booklet in Mushanokōji Saneatsu Complete Works. Vol. 10] (Pp. 7-8). Shōgakukan. (In Japanese).

Honda, S. (1968). *Shirakaba-ha no Sakka to Sakuhin* [The Writers and Works of Shirakaba]. Miraisha. (In Japanese)

Imai, N. (Ed.) (1984). *Mushanokōji Saneatsu Nihonbungaku Arubamu* [The Japanese Literature Albums of Mushanokōji Saneatsu] (Book series No. 10). Shinchōsha. (In Japanese).

Keene, D. (1998). *Dawn to the West: Japanese Literature in the Modern Era*. Columbia University Press.

Kishida, T. (1989). Ryūsei to Mushanokōji no Deai [How Ryūsei Met Mushanokōji]. *MS Zenshū Geppō (12)* [Booklet in Mushanokōji Saneatsu Complete Works, Vol. 12]. (pp. 1-4). Shōgakukan. (In Japanese).

Matsuo, M. (1989). Bannen no Sensei to Shi no koto [Sensei of His Late Years and Poetry]. *MS Zenshū Geppō (11)* [Booklet in Mushanokōji Saneatsu Complete Works, Vol. 11]. (Pp. 6-8). Shōgakukan. (In Japanese).

Mushanokōji, S. (1952). *Shinri Sensei* [The Teacher of Truth]. Shinchō Bunko. (In Japanese).

Mushanokōji, S. (1973). Jiko no tame oyobi sono ta nitsuite [About the Ego and Other Things]. In *Shoki Shirakaba no bungakushū* [Early Shirakaba Writings], *Meiji Literature Complete Works* (Vol. 76). Chikuma Shobō. (In Japanese).

Mushanokōji, S. (1989). *Zenshū* [Complete Works. Vols. 1-18]. (Vol. 15). Shōgakukan. (In Japanese).

Nishigaki, T. (1981). *Shirakaba-ha no Sakkaron* [The Writers of Shirakaba]. Yūseidō. (In Japanese).

Nishigaki, T. (1990). *Sōseki to Shirakaba-ha* [Natsume Soseki and the Shirakaba Group]. Yūseidō. (In Japanese).

Ozuyama, K. (1989). Kaisetsu [Commentaries]. In *Mushanokōji Saneatsu. Zenshu* [Complete Works] (Vol. 14, pp. 608–620). Shōgakukan. (In Japanese).

Shiga, N. (1983). *Shiga Naoya zenshu* [Shiga Naoya Complete Works. Vols. 1-15] (Vol. 7). Iwanami Shoten. (In Japanese).

Shiga, N. (1983). *Shiga Naoya zenshu* [Shiga Naoya Complete Works. Vols. 1-15]. (Vol. 8). Iwanami Shoten. (In Japanese).

Tanaka, E. (1989). Nagayo Yoshirō ni okeru Mushanokōji Saneatsu no Imi [The Meaning of Mushanokōji Saneatsu for Nagayo Yoshirō]. *MS Zenshū Geppō (10)* [Booklet in Mushanokōji Saneatsu Complete Works, Vol. 10] (pp. 1–5). Shōgakukan. (In Japanese).

Ueda, K. (1988). Hyūga no mura no omoide [The Memories of the Hyūga Village]. *MS Zenshū Geppō (4)* [Booklet in Mushanokōji Saneatsu Complete Works, Vol. 4]. (pp. 5–8). Shōgakukan. (In Japanese).

Watanabe, K. (1989). Mushanokōji Sensei to Taizan-kama [Mr. Mushanokōji and Taizan Pottery]. *MS Zenshū Geppō (13)* [Booklet in Mushanokōji Saneatsu Complete Works, Vol. 13]. (pp. 7–8). Shōgakukan. (In Japanese).

Yanagida, I., Katsumoto, S. & Kenji, I. (Eds) (1965). *Taishō bungakushi (zadankai)* [The Literary History of Taishō era]. Iwanami Shoten. (In Japanese).

Yasui, T. (1989). Wasurerarenai Kotoba [Unforgettable Words]. *MS Zenshū Geppō (12)* [Booklet in Mushanokōji Saneatsu Complete Works, Vol. 12]. (pp. 6–8). Shōgakukan. (In Japanese).

Zaberezhnaia, O. (2015). Individualisticheskaya mysl' literaturnogo ob'yedineniya Shirakaba: Musyanokoji Saneatsu i Arisima Takeo [The Individualistic Thought of the Shirakaba Group: Mushanokōji Saneatsu and Arishima Takeo]. *Vestnik Buryatskogo Gosudarstvennogo Universiteta*, 6, 135–140. (In Russian).